

Владимир Владыкин

Потерянное семя

Повести

Владимир Владыкин

Потерянное семя

«Издательские решения»

Владыкин В. А.

Потерянное семя / В. А. Владыкин — «Издательские решения»,

В сборнике прозы В. А. Владыкина «Потерянное семя» представлены четыре разные по жанру повести. Автору присуще строить острые захватывающие сюжеты; как правило, он берёт актуальные темы и исследует характеры различных социальных слоёв в драматических ситуациях. Его волнуют нравственно-этические проблемы. Автор хорошо владеет стилем, пишет выразительным, лексически насыщенным языком. И на этой волне читатель получает эстетическое удовольствие.

Содержание

Потерянное семя	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Потерянное семя
Повести
Владимир Владыкин

© Владимир Владыкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Потерянное семя

Повесть

Глава 1

Юрий Маркунин проснулся в квартире своих родителей и смотрел в окно. К посёлку Раздольному с севера подступали дачи. В то время, когда началась эта история, ещё немногие из них были застроены роскошными коттеджами. Одни были обнесены металлическими, другие деревянными заборами. Из посёлка через дачи в город N уходило серой потрёпанной лентой асфальтированное полотно; оно плавно прогибалось сразу за посёлком, где проходила балка, на дне которой протекал ручей, плотно заросший по бережкам осокой. И вот над ним гордо возвышалась этакой огромной седловиной каменная дамба с парапетом, покрытая асфальтом. А это как раз там, где по склону карабкались вверх дачные владения, то есть балка отделяла посёлок от дач...

На восток тянулись новые дома, которые построили на огородах жителей в последние годы, так как в своих прежних границах посёлку стало тесно. На юг простирались виноградники, на запад – службы хозяйства, обсаженные со всех сторон лесополосами. За службами по левую сторону, сразу за широкой балкой, заросшие сорняком, протирались обширные земли уже несуществующего колхоза. По правую тянулись до той же балки сады и виноградники опытно-производственного хозяйства посёлка Раздольного.

Стояла уже середина погожей осени, деревья ещё не спешили одеться в осеннюю позолоту. Они ещё бодренько шелестели тускло блестящей на солнце листвой. Рабочие только что приступили закапывать виноград, обрывая тронутую краснотой листву.

Из окна хорошо был виден почти весь посёлок и за дамбой дачи. Детвора бегала возле двухэтажного кирпичного дома. И наш герой вспомнил, что какие-то дети ему тоже снились; у них были ясные лица, но как не силился, не смог восстановить их в памяти...

Лет тридцать назад его взрослая жизнь взяла разбег в этой же квартире. После восьмилетки окончил геологоразведочный техникум. Его скитания по свету начались ещё, когда проходил учебную практику, разъезжая со своей группой по области и за её пределами. Бывал даже и в Сибири... Однако скитания его прервала армия, а после с новой силой неожиданно проснулся дух романтики. Но теперь Юрия манили вовсе не изыскания месторождений полезных ископаемых, а исключительно археология.

Поступил в университет. Археология привлекала не только одной своей древностью, что можно заглянуть в седую старину, но и открытием богатых исторических захоронений скифских и сарматских племён, да и других кочевников. По степи много разбросано их курганов, которые, впрочем, давно были разграблены, но по слухам – далеко не все. Одно время он мечтал найти клад. Однако в семидесятых да и в восьмидесятых годах такой возможности не предвиделось. Если не считать единственного случая, о котором постарался забыть. Впрочем, Маркунин вскоре понял, что в те годы этим сомнительным способом нереально было разбогатеть, уж очень велик был риск поплатиться за металл. А если бы посвятил себя погоне за золотым тельцом, тогда бы его судьба сложилась иначе, так как велико было искушение увлечься поиском древних кладов. Но он меньше всего склонялся к авантурным замашкам. Как хорошо, что сотрудники оказались фанатиками науки, с ними было интересно работать, авантурная затея отпала сама, да и не попадались богатые захоронения: встречались лишь черепки от посуды, медные монеты, серебряные украшения, золотых было немного.

Это случилось уже после окончания университета. Однажды в одной области всё же наткнулся на ценный клад. Хотел было сдать находку начальнику экспедиции, но тут пришла мысль, а что если клад могут похитить менее честные его коллеги? Эта догадка подвигла сокрыть шкатулку с россыпью золотых монет, что потом долго мучился своим поступком. Конечно, надо было вернуть, а потом испугался, что его изгонят из экспедиции и потому в содеянном уже было поздно признаваться. Сейчас он поражался: с каким тогда упорством копался в земле, в то время как другие из археологической партии отдыхали или перекуривали. Над ним даже подшучивали, неужели собрался откопать ещё одну гробницу сарматской царицы, ведь её корона уже давно хранилась в местном музее? После опять возникал соблазн повторить содеянное. Однако опыт сокрытия ценностей больше не сложился, так как пошли сплошные неудачи: перекапывали кучи земли, а ничего интересного не находили. Спустя пять лет оставил экспедицию, впрочем, не по своей воле...

Ему предложили должность начальника стройотряда, разъезжавшего не только по области, но и по другим регионам. На этом поприще у него вдруг обнаружилась страсть к женщинам, которых, впрочем, Маркунин всегда любил и часто увлекался даже не одной, но о женитьбе не думал, в полевых условиях это было не просто сделать. Ещё в археологической партии Маркунин увлёкся местной девушкой из одного села. Перед отъездом Вера Акулина ошарашила – беременна. Юрий обещал ей приехать через полгода, чтобы жениться. Но слова не сдержал – больше Веру не видел, запомнил её золотистый цвет волос: круглолицая, наивная, хорошо сложена. Провожала, грустно улыбаясь, слабо надеясь, что дождётся его, но и Юрий понимал, что сделал ей лживое обещание. Когда расстались, на душе сразу лёгкость ощутил, словно с плеч камень свалил. Однако, чувствуя свою вину, вздыхал. В дальнейшем Маркунин легко менял женщин и быстро их забывал. Так было и до армии, и после – в студенчестве, на что и списывал свои грехи, а больше на их доступность. В любовь верил – пока с ним была женщина. Когда с ней расставался, чувствовал себя, будто освобождённым из неволи. Со временем настолько привык к такому образу жизни, что о женитьбе почему-то и не думалось, о чём, правда, напоминали изредка его родители. Ведь уже подходило к тридцати годам. Но Маркунин бодро, самоуверенно отвечал, что ещё успеет опутаться семейной лямкой. Между тем бежали годы: наступила перестройка, через несколько лет потребность в стройотрядах отпала. И Маркунин остался один без дела. Все его друзья разъехались кто куда, в бизнес втянулись, некоторые даже вообще подались за границу. И отныне у него женщин было всё меньше, а потом и те, что были, куда-то разлетелись, впрочем, одни вышли замуж, другие уехали.

В скитаниях по свету Маркунин тоже пристрастился к спиртному, но, правда, не до последней степени, когда начинают спиваться. За эту особенность женщины и любили его: мужик не теряет головы, уверенно смотрит в будущее. Но склонить его к прочной оседлости ни одной не удалось, впрочем, всем он простодушно изрекал одно и то же, то есть навсегда пристать к берегу. Между прочим, у него водилось много денег, но машины не имел, к тому же был страстный охотник и коллекционер редких охотничьих ружей, ножей, которые потом с такой же удивительной лёгкостью распродал все, так как их негде было хранить. Но одно имел при себе на всякий случай...

Когда вследствие стремительной инфляции все его сбережения прогорели, он недолго горевал. В своё время Маркунин посылал деньги тем женщинам, от которых у него были дети, о чём он узнавал от друзей. А когда пришла мысль, вряд ли все дети родились от него, он остыл к вспоможениям. Это сомнение развеяло остатки угрызений совести. Юрий был ещё и заядлый картёжник, много проигрывал...

Своих родителей он также не обделял вниманием: посылал подарки и деньги. Хотя писал им редко, наведывался к ним только в отпуска...

И вот наступило время, когда Маркунин убедился, что его образование (техникумовское и университетское) в рыночных условиях оказалось лишним. А делать деньги из воздуха или «челночничать» он не умел, да и «дикорыночная» реальность отпугивала зелёным оскалом долларов, за какими гонялось преуспевающее жульё. И безнадежно тосковал по старым временам, которые теперь казались сказочными. Где бы он не бывал, нигде не обзавёлся жильём, ни одна женщина не смогла его удержать. Маркунин куда-то вечно рвался, а сам толком и не знал – чего он хотел в этой жизни? Родители его приняли горемычного скитальца, хотя таковым не считал себя, да вот только не заметил, как состарились мать и отец, больше детей у них не было, вся надежда на него. Но это доходило к нему плохо, его сознание было занято освоенным ранее пространством и улетучившимся безоблачным для него временем, как дымок папиросы...

Свои нынешние дни Маркунин проводил на рыбалке и на охоте, случалось зазывал товарищей на шашлык. У них у всех давно были семьи, внуки уже бегали, а он смотрел на себя как в юности: мол, ещё успеет жениться, надо погулять, хотя гулять-то уже дальше некуда. Но продолжал бодриться и представляться молодцем, умеющим крутиться в жизни. И как раз отсутствие этой струнки его допекало, что, казалось, решение само явится – как жить и что дальше делать...

Итак, Маркунин проснулся с больной головой после очередного кутежа с приятелями. Его разбудил странный сон, только помнил ясно, как испытал испуг, но вот лежал и не мог его вспомнить. Когда встал и подошёл к окну и увидел бегавших на улице детей, так сразу он и явился, будто кто-то тюкнул его по темени. Во сне он увидел себя спящим в тёмной, наглухо задрапированной, комнате, из которой ему не виделся выход, его опутали какие-то широкие горчичного и бордового цвета ткани, из которых он с трудом выпутался. Подбежал к окну, чтобы понять, наконец, где он находится. А за окном забор из штакетника был весь облеплен детьми, некоторые уселись на забор верхом и что-то кидали в него, неистово между тем крича разные ругательства. Стоял такой сильный шум и визг, что Маркунин хотел было убежать прочь, но неведомая сила пригвоздила его к окну и рожей тыкала в стекло. И тут он вдруг в лицах детей стал угадывать брошенных им женщин; вот они и сами явились и перед ним вращались как на карусели, помахивая платочками, а их детки куда-то исчезли. Этим женщинам он когда-то обещал жениться, но чего так и не сделал, что запоздало пронеслось в голове...

Маркунин отошёл от окна, взял со стула спортивные брюки, надел, натянул бежевую футболку с изображением львиной головы, сунул ноги в шлёпанцы и пошёл, пошатываясь, на кухню. Набрал из-под крана в керамическую кружку воды, стал жадно пить, уставившись одним глазом на мать, сидевшую за столом и пившую чай. В свои шестьдесят с лишним лет у неё почти не было седых волос. Она была в меру полная, ещё не растратившая силы.

– Что, Юра, сушняк задавил, и как тебе не надоест такая жизнь. Все твои друзья люди как люди, а ты скатился... даром, что кругом образованный, а ума? Весь подрастерял в бродяжничестве! Мишка Утыкин гляди-ка школу только и закончил, а живёт – дай так каждому! – мать махнула рукой, ей уже надоело отчитывать сына. – Непутёвец ты, образованный, и в кого такой непутёвец, не знаю. В себя, наверно!

– Да пусть в себя! – резко бросил он, допив третью кружку. – Я нацелился поехать к своим подружкам бурной юности. Эх, было время и всё утекло сквозь пальцы! Маманя, денежку подкинете, надо проведать, пора, вот и выберу из них, – сказал он как решенное, хотя ещё недавно об этом не думал. Но перед глазами стояли лица детей, каких он никогда не видел в глаза.

– И что-о, опять за старое, тебе разве верить можно? Весь белый свет исколесил, а всё мало, ты подумай, какой вертихвост, а самому уже на пятый десяток повернуло, – мать качала

в недоумении головой, возле её серых глаз сеточка морщин отпечаталась, как на печёном яблоке потрескавшаяся кожица.

– Чего ты гундосишь, маманя. Я ещё рысак хоть куда, зачем обижаешь, какие мои годы, ещё хоть куда! – он бодро улыбался. Головная боль растворилась и прояснился ум. Да вот только и впрямь Маркунин не задумывался о своём уже немолодом возрасте, всерьёз полагая, что он по-прежнему полон молодого задора, что жизнь для него только начинается. И не беда, что не нашёл пока своё место в новой реальности, просто почему-то считал, что всё само устроится причудливым образом. Жалко было лишь прошлое...

– Ты выучился, а ходишь без дела, как думаешь жить дальше? – продолжала мать с отсутствующим видом. – Археологи и геологи, конечно, сейчас не нужны, но при твоём уме в школе учить детей вполне можно...

– Что ты сказала, детей? – Маркунин остолбенел, он вспомнил сон, а что, если мать права, попробовать стать учителем географии или истории? Мать предложила сыну завтрак, но он, углубившись своим мыслям, не услышал и пошagal в комнату, одолеваемый какими-то смутными, толкавшимися в сознании, предчувствиями. Так бывало и раньше, когда ему предстояло уезжать на новое место. Два года, прожитые почти оседло, давали знать, что здесь так долго он не выдержит, опять дорога заманила, вызывая под сердцем сосущую тоску по неизведанным краям.

В комнате, сидя на диване, обхватив руками голову – ещё не тронула изморозь его русые волосы – Маркунин опять, словно наяву, увидел детей, кидавших в него горсти песка. Ему впервые вдруг стало отвратительно, что он будто не жил, а летал по свету, как мотылёк. И не заметил, как его обокрало злосчастное время, оставив ни с чем, посеяв в душе разочарование. Деловой мир ему представлялся чуждым, мерзким, пугавшим неизвестностью, отчего, как от холода, по телу ознобом бежали мурашки. Он мог строить дома, ведь ему предлагали участвовать в строительстве жилья для мигрантов из бывших союзных республик. Но Маркунин отказался, решив присмотреться к новым хозяевам жизни. А что к ним присматриваться – умеют вертеться. В посёлке Маркунин наблюдал сынков бывших одноклассников, раскатывавших на иномарках, а что они делали, можно было только догадываться. На их физиономиях читалась неукротимая одержимость, озабоченность, углублённость в себя, словно в какие-то загадочные расчёты...

Однажды один светло-русый, с пытливыми круглыми серыми глазами по прозвищу Лежек, когда Маркунин играл в карты с его отцом Михаилом, присел возле него на корточки и заговорил, нагло усмехаясь, как будто дружку своему:

– А что, Маркуня, правду болтают, был ты якобы кладоискателем, что нашёл немало бесценных сокровищ, которые тянут на тысячи баксов?

– Интересно, кто тебе такую басню наплёл? – удивлённо заметил Маркунин, а сам насто-роженно взирал на юнца. – Ничего этого в те годы не могло быть... – буркнул он, глядя на Михаила, может, сынку подбросил идейку?

– Но что-то ведь было, клады искал?

– Какие клады, раскопки, черепки от горшков, древние постройки, посуда, украшения, которые сдавали строго по описи...

– А не финти, Маркуша, ты и машину не купил, боялся, что спросят за какие шиши, ведь так? – посерьёзнул Лежек. – Монетки, золотые, серебряные в свою кубышку упрятал?..

– Что ты пристал к нему, вали отсюда! – возмутился отец Лежека, который знал, чем сын занимался, но держал это при себе.

– Да я пошутил, батя, кончай залупаться, а то въеду между глаз, – и он было замахнулся почти всерьёз на отца, который вскочил с табурета, и стал резко выталкивать сына, подняв крик.

Лежек, издав вызывающе грубый смех, исчез. Маркунин почувствовал нарастающее беспокойство: кто распускал нелепые слухи о его романтическом прошлом, полном соблазнов? По реакции Михаила он смекнул, что это был другой.

В тот вечер с Михаилом они хорошо надрались. Утыкин работал у заезжего фермера, разводившего свиней. О Лежеке они больше не говорили, но Маркунин знал, что сын Михаила водится с крутыми ребятами. После того случая Лежек как-то проходил мимо Маркунина и с вызывающе наглой улыбочкой насвистывал блатной мотивчик. Но больше он с ним не заговорил...

Глава 2

Виноградники были поделены между бывшими полевыми бригадами, члены которых имели свои делянки. Вот и его, Маркунина, отец возглавлял кооператив, а мать была у него в помощниках. Имели личный трактор с тележкой, склады. Некогда мощное хозяйство превратилось в частную лавочку. Однако ворованное вино как раньше продавали на дому, так продолжали и сейчас. Винзавод разделить нельзя, но каждый чувствовал себя там хозяином, являясь акционером. Но почему так происходило, что вино воровали у себя же, Маркунин понять не мог. И больше в это не вникал...

Маркунин надумал-таки уехать к Вере Акулиной, которая, говорили ему, впрочем, уже давненько, что родила сына. Отец отвёз Юрия на вокзал на своих старых, хорошо сохранившихся «Жигулях».

– А ничего ещё бегают твой козлик! – снисходительно воскликнул Маркунин. – Это же, сколько ему летков?

– Много, чего считать, ты бы свои годы сосчитал и понял бы, что уже давно не мальчик! – сердито произнёс Маркунин-старший.

Но сын только обнял отца, похлопал по спине одобрительно и пошёл к поезду, следовавшему в соседнюю область и далее... Лежал на верхней полке и думал, как встретит его Вера. И только сейчас пришла мысль: почему он думает, что она живёт одна? Возможно, у неё семья и куча детей. Собственно, к ней он ехал не за тем, чтобы исправить ошибку молодости, просто хотел как бы вернуться в молодость и совесть очистить. И, конечно, повидать сына...

До села от райцентра Маркунин ехал в рейсовом автобусе, ведь село было большое, старое. Дом у Веры остался тот же, кирпичный, высоко поднятый на фундаменте. Не изменилось почти и село. Правда, некоторые дома являли заброшенный, нежилой вид. И будто с молчаливым укором говорили: «Такие же, как ты уехали, а старые хозяева ушли в мир иной».

Веры дома не оказалось, одна старуха-мать копошилась на дворе. Он не узнал её, и она его, отрекомендовался просто знакомым давним.

– А сын у неё есть? – осторожно спросил он. Старая женщина не пригласила гостя в дом, смотрела настороженно, недоверчиво.

– В области учится, студент он у нас, – ответила охотно не без гордости за внука женщина. Видно, она и впрямь возлагала большие надежды на внука и хотела гордостью это выразить...

Вера пришла, когда уже стемнело, она работала в сельском магазине. Юрий сидел по-прежнему во дворе, а хозяйка, уходя в дом, не пригласила, но это его несколько не обидело.

– Ой, кто тут? – испуганно спросила она, увидя, как к ней двинулась фигура мужчины с огоньком сигареты.

– Вера, не бойся, я приехал... – прерывающимся, но мягким тоном отозвался Маркунин. Он разглядел её от падавшего из окна электрического света через веранду. На улице только кое-где горели на столбах фонари. Вера была полноватая, круглолицая, но с несколько пухлыми щеками, прежних утончённых черт, которые делали её красивой, в ней почти уже не остались, она совсем обабилась. Так что нынешняя её внешность его разочаровала.

– Ты, Юра, что ли? – в оторопи сдавленно проговорила она. – А чего мать не пустила в дом? – быстро спросила.

– Я не напрашивался, ждал... Надо поговорить...

– Давай проходи! – отстранённо пригласила она, указывая рукой.

В доме было чисто, аккуратно, обстановка старая, какая, наверное, стояла и в те далёкие годы. Маркунин только сейчас по-настоящему почувствовал тоску по тому времени, которое здесь, казалось, остановилось. Он поставил при входе чемоданчик и смотрел на Веру, снимавшую пальто. Маркунин был в кожаной куртке на меху, шапку из норки держал в руках.

Из прихожей, однако, заметил в зале новый японский телевизор, от которого дохнуло на него нынешним смутным временем.

– Ну, садись сюда! – предложила бодро хозяйка, Маркунин сел к столу, из спальни вышла мать Веры, маленькая, высохшая уже.

– Так это ты, Юрка? – спросила она, наклоняясь к нему. Маркунин кивнул. Женщина хлопнула с недоумением в ладоши, застыла, качая головой. – А чего же так... поздно? И где же ты был, чего так бросил её, и как ты ещё вспомнил? Окаянный! – плаксиво произнесла она.

– Мама, успокойся! Никто его тут не ждал. Я знала, что...

– Вера, я тогда приехал и заболел, воспаление лёгких открылось, – быстро заговорил Маркунин. – А потом меня послали в Сибирь, нет, не думай, я не был женат. Но о тебе думал, на месте больше года не сидел. Так и ездил по свету, как кочевник...

– И скока ты детей так, окаянный, по всему свету разбросал? – жёстко спросила мать Веры.

Маркунин тоже иногда думал об этом, но сосчитать не мог, хотя почти точно знал, что не меньше пяти, наверное, было. В голове опять, как и в поезде зазвучал мотивчик любимой в молодости песни: «...Колёса диктуют вагонные, где срочно встретиться нам, мои номера телефонные разбросаны по городам... заботится сердце, сердце волнуется, почтовый пакуется груз, мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз...».

– Я ничего не хочу знать о твоих странствиях! А ты, мама, пока я говорю, не встревай. Пусть ему будет век стыдно, если он бросал женщин в положении, как меня. Да, Юра, я хочу знать точно: зачем ты приехал? Увидеть сына, передо мной покаяться? – Вера была сильно взволнованна, но сохраняла самообладание. Маркунин, казалось, почти не изменился, разве что лицо осунулось, погрубело, а глаза такие же жёсткие, которые всегда внушали ей надёжность, всезнание... она тяжело перевела дыхание, глядя на него.

– Разве я похож на кающегося грешника? – Маркунин смотрел серьёзно, но искренне, хотя он мог ответить на её вопрос: зачем он приехал?

– Ты был уверен, что я не замужем? Ошибаешься – была, Юра, но муж погиб в Афганистане. И тебя я никогда больше не ждала, ты для меня умер тогда же, как не приехал в обещанный срок.

– Извини, Вера, но могу я увидеть сына? Мне сказали, что он учится, когда он приедет? – Маркунин не увернулся от её прожигающего ненавистью взгляда.

– Думаешь, сын так тебя жаждет увидеть? Ты в его сознании – не существуешь. Он знает, что его отец погиб в Афганистане...

– Это, конечно, подходящая, приемлемая для моей ситуации легенда, но я, как ты видишь, живой, в полном здравии. Но я предвижу твой вопрос, поэтому отвечаю – работал за границей, не выпускали, нельзя!

– Хватит, Юра, не прибедряйся несчастным! Какой я буду в его глазах обманщицей... А мне этого совсем не надо.

– Нет, ты не обманщица, зачем это объяснять ему, нечего туману напускать! Ты не хочешь меня принять такого?

– Нет! А почему? Объяснять мне нечего! Я не верю, что ты женат не был, хотя представить тебя чьим-то мужем – трудно...

– А фото сына есть – покажи? – слова её пролетели мимо слуха.

Вера принесла семейный альбом. Маркунин увидел сына, снятого в садике, в школе. Он был похож на него, но всё равно к нему отцовскую близость не испытывал; в душе ничто не шевельнулось, сердце не заняло. И только удивление и сомнение одолевало: неужели этот, крепко скроенный парень, его родной сын? Он никак не мог привыкнуть к этой мысли, чтобы глубоко, проникновенно осознать этот факт; он даже не почувствовал своей вины, впрочем, Маркунин верил, что в те далёкие годы он исполнял святой долг, не мог собой распорядиться:

«Сегодня не личное главное в сводках рабочего дня». Опять слова из песни пришли на память навязчиво. Тогда эта песня владела всеми его помыслами, о какой любви можно было говорить; собственно, смысл жизни действительно виделся не в личном благополучии. Он был, как и многие тогда, заражён сменой места, его толкал вперёд душевный подъём оттого, что везде он был нужен. Жить было интересно, работать и находить время для кратких романов с девушками и женщинами, которых в то время и уговаривать не надо было – почти сами уединялись с ним. Правда, стоило ему любой из них обещать «золотые горы», как ему действительно казалось, что он готов жениться. Но когда Юрий добивался своей цели, он вскоре пронзительно, до отчаяния понимал, – что не для него семейная обуза, так как для перемещений в пространстве ему нужна свобода, простор...

А нынче Маркунин, похоже, совсем сдался. Романтическая молодость прошла вместе с той песней, звавшей всегда в дорогу. Теперь все куда-то устремлены исключительно за личной выгодой, что в те годы решительно осуждалось. Что же случилось с людьми: бывшие комсомольские вожаки поголовно ударились в бизнес, тем самым как бы обманув все его самые лучшие ожидания. И пафос времени сегодня какой-то знобящий, заражённый всеобщим невротизмом, как можно больше урвать, ухватить. В те годы властвовал высокий подъём духа, который сами же и уронили, он упал на землю и его легко, бессожаленья затоптали бегущие за золотым тельцом...

Конечно, пора бы жить семейно, но чувствовал – не уживётся с Верой, да и она совсем не расположена принять его. А уговаривать её он не вправе, опять посеять иллюзии и обмануть? Он ведь никого никогда не уговаривал, а привычно прорекал высокие слова, как рыбак, закидывающий наживку. Маркунин не считал, сколько всего женщин прошло через его сердце, в котором ни одна не осталась. Впрочем, даже такой мысли никогда не приходило. Хотя когда-то гордился тем, что из числа встречавшихся на его пути понравившихся женщин, не было такой, с которой бы он не переспал. Собственно, для пустых с ними разговоров не завязывал отношений, да и они тоже предпочитали больше интима, чем просто встречаться. И почти все рассчитывали на брачные узы, но были и такие, которые довольствовались одними телесными связями и не стремились к семейной обузе. Если встречались замужние, то обыкновенно они всегда были почему-то недовольны своими мужьями... И не хотел, чтобы им так же были не довольны...

Маркунин закрыл альбом. Жизнь сына промелькнула в фотографических мгновениях, рождавших в душе смятение, что они с сыном останутся навеки чужими. Пора уходить, о чём и сказал Вере.

– Ты не подумай... Я тут проездом, пойду, – смущённо и неловко произнёс, не глядя на неё, жалея, что вообще приехал к ней в первую очередь, впрочем, она была ближе всех...

– Да что мне думать, вижу сама, не прочный ты, Юра, Бог с тобой. Мог бы переночевать, а утром бы... но задерживать – это, значит, посеять иллюзию самой себе, но лучше не искушаться...

Маркунин с лёгким сердцем взял чемодан, покачал головой. Вера уже ничем не соблазнила его. Если нет в душе чувств, так ничто уже их не разбудит. От прежней Веры и тени не осталось, вот и она почти легко отпускала его. Правда, в глазах её показались слезинки... И он ушёл, скрывшись в ночи. Автобус уходил в райцентр последний. Сидел в салоне и думал, что как хорошо, что не женился...

...В поезде опять звучал привычный мотивчик: «Колёса диктуют вагонные»... впрочем, отныне эта песня уже раздражала своим ложным пафосом, она звучала в сознании, как призрак того обманчивого времени, обернувшимся мишурой, не сбывшейся сказкой. В Сибирь он, конечно, не поедет, хотя там, у одной из его женщин, была дочь; остальные жили в ближайших областях. Маркунин знал, в каких городах и посёлках они жили, помнил, не забыл, а вот сами имена женщин, кажется, напрочь перемешались в памяти. И только у некоторых повторялись:

была Надя, у неё от него тоже дочь, она жила в пригороде, где они, археологи, жили, а раскопки вели за пять километров...

Глава 3

Маркунин приехал туда пасмурным утром, уже ударил первый заморозок. На такси легко отыскал дом из нескольких квартир. Он вошёл в подъезд, бросил окуроч, где и без того было мусорно. Надя открыла дверь, уставившись на не бритого мужчину. Она была худая, в старом вылинявшем халате, не причёсанная, лицо морщинистое, измождённое многолетним пьянством, что Маркунину было нетрудно определить. Но это открытие его отнюдь не смутило, он помнил, как очень давно они кутили с Надей и её забубённой подругой, имевшей тогда сына, но не жившей с мужем, залетевшим за кражу на зону. Маркунину стыдно было признаться даже себе, что в ту ночь переспал с обеими, причём Надя об этом знала, к чему, впрочем, сама в шутку его и подталкивала, а потом с обидой подругу спровадила...

– Не узнаёшь, Маркунина? – усмехнувшись, сказал он.

– Юрка, боже ты мой, какой важный стал господин! – воскликнула сипло женщина, хватаясь за грудки, за голову. – А на кого я похожа? Заваливай, я только пузырь взяла! И поговорим, оказывается, ты не забыл меня, а я вот какая стала зачиханная советским бытом. – Она деланно развела руки, пропуская гостя в комнату. – Все соки высосала такая житуха... – и притворно заскулила, оглядывая не приборанную комнату.

Маркунин прошёл нехотя, цепко оглядывая обстановку или подобие от былой обстановки. Диван-кровать разложен, покрывало съехало до пола, устланного затёртым паласом желтоватого оттенка, шифоньер, залапанный грязными руками, тускло поблескивал лаком, телевизор старый на такой же тумбочке, на окне запыленные цветные шторы.

Надя, конечно, замужем даже и не была, правда, с одним недолго сожительствовала на его жилплощади, а когда её мать умерла, вернулась в свою квартиру. Дочь жила здесь пока не окончила школу и техникум, но работала совсем по другой специальности в какой-то коммерческой фирме. А ночью ещё и подрабатывала, и Надя знала, где и как. Жила у одного бизнесмена, иногда появлялась у матери. По крайней мере, так ей объясняла она, но догадывалась, что бизнес у дочери был другой, а какой – не допытывалась. Слава богу, что ссужала ей деньги, ведь работала уборщицей, за что крохи платили.

– Юра, я рассказывала Янке про тебя: ты после меня женился или всё так же беспутничал, ловелас несчастный? – она лукаво засмеялась. – Ой, а мы с Нинкой тоже не успокоились: как гуляли, как гуляли – по ресторанам шлялись! Помнишь, как ты от меня к ней на диван перебрался? Умора! – она засмеялась скрипучим голосом. – Но я не ревновала, ты же был у меня вовсе не единственным, а вот родить решила от тебя, умника, чтоб ребёнок мозговитый был, хи-хи. Янка на тебя похожа. Вот посмотри карточки, – она подала стопку цветных фотографий. Маркунин стал внимательно разглядывать.

– Да? Хорошая девка, но ты-то чего пьёшь, или нечем больше заняться, – рассеянно спросил он, рассматривая фотографии, запечатлевшие дочь на морском побережье, а рядом с ней накачанный парень. Янка с длинными белокурыми волосами, симпатичная, с полной грудью, крепкими покатыми бёдрами, фигура что надо, одно загляденье. Сам бы влюбился, если бы не знал, что она его дочь. А может, она бессовестно врёт, что Янку от него зачала?

– Ишь чего захотел! – усмехнулась криво она. – Такой же кобель, каким был. А пью почему? Такой я не нужна тебе? Да и не попрошусь. Кто сейчас не пьёт, страна вся в упадке, это не горе, что ли? – она махнула рукой, отвернулась.

– Ты не говори ей, что я был у тебя, – попросил Маркунин. – Она живёт, как сейчас все хотят, а что я ей... приехал по старому делу. Съезжу на место бывших раскопок повидать одного дедулю...

– Не веришь, что она твоя дочь? – уставилась Надя осоловелыми, булдающими глазами. Видно, не отошла ещё от вчерашней попойки.

– А ты хочешь, чтобы она меня признала за своего батьку?

– Я не настаиваю, это твоё дело! Знаешь, у меня такое чувство, будто мы вчера расстались, а ты как узнал, что у меня дочь?..

– Уже не помню, кажется, дед писал, ты его и не знала, но я ему наказывал, чтобы сообщил о тебе, – соврал он. – Ты же хотела мне ребёнка отдать, помнишь, как это было?

– А ты сколько-то раз был женат?

Маркунин выпил полстакана самогона и, будто забыв, что надо было ей ответить, перевёл разговор на другое. А потом вдруг поспешил к древнему городищу на попутной машине. В это время к дому подкатил старый «форд» с тремя молодцами. Но Маркунин, когда сел в грузовик, их не увидел. И поехал. «форд» не спеша последовал за ним...

Маркунин вышел на повороте. От главного шоссе пошёл по грунтовой дороге, ведущей к селу, в стороне которого высился большой высокий холм, с плоским завершением. По преданиям, на этом месте веков десять назад стояло в виде крепости оборонительное городище. Лесу тут было немного – сосновый бор и берёзовый перелесок, а дальше шли холмы, покрытые кустами и деревьями, а сейчас сквозила голость, пустота, земля припорошена снежком.

В те отдалённые годы здесь он и спрятал несколько серебряных и золотых монет, одно женское украшение, вот и весь клад, а уцел ли он, Маркунин не знал. Никогда больше не бывал на этом месте...

Про деда он не соврал. Был в экспедиции у них сторожем, присматривал за снаряжением и лагерем, когда уходили на раскопки. Теперь, наверное, его давно нет в живых – почти двадцать лет минуло.

Под бывшим древним городищем протекал ручей. И там под большим камнем ночью, выйдя из палатки, Маркунин направился к нему, чтобы зарыть утайку от всего найденного им клада. Хотел было всё отдать начальнику экспедиции, но какой-то бес, словно ткнув вбок, шепнул: «Сделай заначку, когда-нибудь пригодится!» Он вскоре забыл про неё, но когда Лежек начал выпытывать, сам удивился, что столько лет ни разу о своём проступке не вспомнил. Или просто не хотел себе в этом признаваться? Однако напоминание Лежека почему-то породило в нём суеверный страх: неужели пацан умеет читать чужие мысли? Но тут же отогнал эту нелепую догадку, ведь всё было проще: люди знали, чем он занимался в молодые годы. Вот так и решил, да в придачу под воздействием сна о детях, проведать своих бывших женщин, и заглянуть под тот камень, который так и лежал врытым в землю на бережку ручья, на котором женщины из экспедиции стирали и полоскали бельё. И только сейчас Маркунин подумал о голубоглазой Марине, с которой переспал по стечению обстоятельств. Все уехали в город, а он с ней остался. Она была не замужем, втайне вздыхала по нём, знала, что он убеждённый холостяк и под настроение отдалась. Они тогда у костра выпили вина и пошли в палатку. Хотя Марина знала, что у него была женщина, почти каждый вечер ездил к ней. Но ни разу не напомнила, не спросила. А потом уединялись регулярно, и она ничего от него не ждала, не требовала. Через полгода Марина ушла из экспедиции, и больше они не виделись. Он даже не знал, откуда она была родом.

Маркунин долго возился под камнем, думая о Марине, что при расставании она ненароком сунула в руку записку, в ней был адрес и какие-то слова о нём, потом та записка пропала. Он не заметил за своими мыслями, как на взгорке остановился «форд». Из него высыпали трое и ретиво сбежали вниз по ручью, встав за спиной Маркунина, откопавшего сучковатой палкой и ножом металлическую коробку.

– Привет, Маркуня! – бодро сказал Лежек. Маркунин резко от испуга обернулся, не вставая, увидев волчьи глаза сына своего приятеля Михаила.

– Отдай коробку, – предложил спокойно плечистый, накачанный подельник, выставив в перчатке руку, третий стоял деланно, скрестив на груди руки, чуть расставив в кроссовках ноги.

Маркунин медленно выпрямился, попятился назад и наткнулся на третьего, схватившего его за обе руки, выворачивая их под лопатки. И Лежек вырвал коробку, потряс ею, а потом большим складным ножом открыл. Второй поднял со снега нож Маркунина.

– О, а здесь не всё! – бросил он уверенно, словно точно знал, сколько по весу или количеству должно быть драгметалла. Плечистый, спрятав трофейный нож, снизу ударил Маркунина, тот согнулся от резкой боли. – Ну, где ещё спрятал, патриот своего времени, ты так себя называл у нас, хотел забурить мне мозги своей гнилой романтикой, а сам ворюга, грабитель. Сколько мы за тобой гонялись, сколько бензина спалили, окупим капиталом предков. – Лежек высыпал на ладонь несколько монет, став их рассматривать. К нему подошёл плечистый:

– Ништяк, блестят, а что на них нарисовано? – протянул удивлённо.

– Вязь не наша, нам без разницы! Говори, Маркуня, сколько имеешь таких зачек? – спросил Лежек, подойдя к нему.

Маркунин отдышался, поднял голову, сжав челюсти.

– Если бы это была зачка, её бы давно тут не было, – ответил Юрий тихо, слабо шевеля языком.

– Но вот же она! Темнишь? Посмотрим, с нами поедешь и расскажешь, а не то в этом ручье оставим, – как решенное сказал плечистый, проведя кулаком по его лицу.

Они пошагали в гору, обступив Маркунина со всех сторон. Затолкали его в машину и сели по краям салона. Дверца хлопнула, двигатель почти бесшумно стронул с места весь корпус автомобиля, набравшего скорость к шоссе.

– Я чемодан оставил у знакомой, – произнёс Маркунин и продолжал, – Поедем заберу схожу... О коробке, честно, я забыл, а Лежек меня сам заставил вспомнить. Больше нет, я говорю правду...

– Ни финти, Лазаря не гони! Где твоя шалава живёт, показывай? – Лежек держал коробку, заглядывая в неё.

Маркунин показал двухэтажный кирпичный дом, «форд» живо юркнул к нему, остановившись перед подъездом. Пошли все. Лежек посмотрел на новенькую «ауди» – позавидовал.

– Хорошая лайба, можно укатить... Но там жлоб сидит, – и действительно водитель иномарки настороженно смотрел на них. Достал мобильник, и позвонил кому-то или ему звонили? Лежек на это не обратил надлежащего внимания. Час назад, когда они остановились здесь, «ауди» не стояло. Впрочем, он подумал, что какой-то начальник прикатил к кому-то, в таком ветхом доме крутые не обитают. Они ступили в подъезд, держа руки в карманах курток.

Маркунин позвонил в дверь, обитую дерматином Надиной квартиры, трое молодых парней внушительного, колоритного вида стояли позади него. За дверью слышался женский голос:

– Иду, иду! – и дверь почти резко распахнулась. – Ой, Юра, кто это с тобой?! – отступила она, берясь рукой за ворот халата. Парни улыбались нагло, поставя головы набок.

– Принеси мой чемодан, я не могу войти...

– Чего ради ты заливаешь – погнались в хату! – плечистый втолкнул Маркунина в проём двери мимо женщины и все вошли по одному, увидев стоявших двух здоровых парней с навёрнутыми на них стволами.

– Вы чего братцы? – спросил Лежек, усмехаясь. – Маркуня, это на кого навёл нас? – вытаращился он.

Маркунин и сам не знал, не ведал во что влип, моргал в оторопи ресницами.

– Руки поднимайте живей и на пол ляжем! – предложил в кожаном плаще. – Давай падай, а то пулю словите! – крикнул, и все стали ложиться. Хозяйка скрылась в другой комнате. Вторым стал обыскивать троих, достав у одного нож, у второго нож и газовый пистолет, у третьего из-за пазухи вынул коробку. Маркунину велели встать.

– Что они хотят от тебя? – спросил у него человек в плаще.

– Да земляки это... Без меня им скучно... – буркнул он.

– А коробка золотая, древняя шкатулочка, монеты? – сделал открытие его товарищ, высыпав их на стол. – Всё ясно! Сдадим ментам или перешёлкаем? – деланно спросил он.

– Что, золото, правда? Это твоё? – обратился он к Маркунину, который нехотя кивнул. – Вызывать никого не будем. В машине есть стволы? – спросил он у лежавших братков, те заперглядывались.

– Корь? Посмотри что там у них в тачке, – позвонил второй по мобильнику своему водителю «ауди».

Через пять минут зазвонил телефон. Второй поднёс к уху:

– У них тайничок, две пашки, «Макаров», граната фэшная! – сообщил тот.

– А теперь по одному, братки, дёргаем из наших пределов, не то понимаете, что будет? А нам лишних хлопот не надо, усекли? Давай, – он ногой приказал плечистому, который встал с пола, оглянулся на Маркунина и пошёл к входной двери, встал высокий, за ним и Лежек. Когда они убралась в сопровождении человека в плаще, Маркунин спросил?

– Зачем меня оставили?

– Юра, Яна дома! – вышла Надя с девушкой, говоря на ходу радостно. – Как хорошо, что она приехала, тебя увидит! Это отец, Яна, да, отец твой, специально приехал!..

– Ты из-за этого мне звонила? – спросила девушка.

Маркунин зачарованно смотрел на Яну, статную, высокую, красивую. – А он мне что шёл, что ехал, поняла? – вытаращилась дочь, подавшись к матери. – Отец... тоже мне, чем хотела обрадовать, видала я его в сортире! Он, наверное, такой же, как ты, кидает за милую душу? – девушка презрительно оглядела Маркунина, находя его тщедушным, но ещё не старым, даже молодцеватым, одет вроде ничего, а рожа, как у кидалы за ворот.

– Да он не останется, не бойся, просто на тебя посмотрит. Тебе не нужен? А я пожила бы с ним, – и к Маркунину: – Юра, я правду говорю, хотел бы ты молодость со мной вспомнить? – жалостно спросила Надя, морща лоб.

– А чего – можно, я всё равно бездельничаю, но у меня есть дело... Но сейчас временно не работаю. На день-два останусь! На халяву не буду, – ответил Маркунин, глядя на дочь, словно спрашивая у неё согласия-благословения. То, что Яна так грубо о нём отзывалась, так непочтительно встретила, его нисколько не волновало.

– Деньги у тебя, папа, есть, кем ты работаешь, папа? – с наигранной иронией, даже с издевкой прорекла Яна. – Мамку и себя прокормишь без моей субсидии?

– Хватит, Яна, конечно, хватит, – отрезал он, глупо улыбаясь, чувствуя, что готов перед ней заискивать.

С улицы вернулся молодой мужчина в плаще, к которому она обратилась с ироничным напускным тоном:

– Димчик, мой папаша, знакомся, вот только что от мамани узнала, – и улынулась надменно.

– Да? Уже познакомились, – он взял шкатулку у своего напарника, подошёл к Маркунину. – Коли твоя – бери, но золотишко сумеешь загнать, если нет, я возьму это на себя. Торговаться не будем – навар пополам, уверенно добавил тот.

Маркунин растерянно пожал плечами: мол, об этом он и не думал. Но оказывается сбыт древних монет непростое дело, требующее немалого риска и умения, хотя в том, сколько можно было выручить за золото и браслеты и шкатулку, он имел смутное представление, но знал, что у коллекционеров древностей ценятся весьма и весьма высоко. А специалистов-оценщиков знал давно, но где они теперь?

– Вы имеете чёткое представление, на сколько это богатство потянет? – спросил неловко Маркунин.

– Нет проблем! Так что мы загоним и по рукам! – сказал бодро Дима, глядя сурово на мужчину.

– Это, что – твои ценности? – спросила Яна, и Маркунин, видел перед собой прелестные глаза дочери, кивнул готовно. – Дима, дай своим глазомером посмотри? – и она пошла к столу, высыпала содержимое шкатулки.

– Разве это золото, а почему оно чёрное? – она потерла пальчиками, на которых длинные крашенные ногти блестели лаком, как сливки спелые, монета засияла. – Красота-то какая! Эти браслетики я себе возьму, позволишь, папа? – насмешливо изрекла она. Её совершенно не интересовало, где он все эти годы, пока она росла, околачивался, впрочем, мать говорила, будто подруга отбила мужа и уехала с ним...

– Всё, Яна, собирайся, нам пора! – жёстко сказал Дима, шагнув к ней решительно.

Маркунин, понимая, что они действительно могут увезти его сокровища, и он останется на бобах, быстро глянул на свою сумку-чемодан, тут же смекнул, что её уже обшарили – стояла не так. Он потому и привёл сюда земляков, чтобы своим запасом вооружиться, и вот нарвался на других.

– Чего, дядя, за стволы хотел уцепиться? – буркнул парень в пуховике и Дима повернулся к Маркунину.

– Мы твою помку конфисковали: документик на неё у тебя хоть есть?

– Я охотник! Есть билет охотничий, так что отдайте, а то забот вам же прибавится... – спокойно произнёс он.

– Что, шкатулку и ружьишко? – спросил нагло в пуховике.

– Юра, да ты не волнуйся, ребята хорошие, не обманут, привезут деньги, – жалостливо успокаивала, почти уговаривая, Надя, тут же подбежав к дочери. – Яночка, не обижай меня и отца, нам деньги самим нужны сегодня же, – плаксиво прибавила она.

– Да прикатим, не бойся, дядя! – отчеканил в пуховике. – Яна, погнали, а то шеф даст нам чертей!

– Всё, всё гоним! – быстро сказал Дима, беря шкатулку. – Ружьё у неё! – бросил он на ходу, глядя на Маркунина. – Бабки будут завтра по нашему усмотрению, идёт, старик? Всё – погнали, бывайте, да не ужритесь на радостях! – он засмеялся. Подмигнул ему.

Маркунин остался с бывшей любовницей с таким чувством, будто все его бессовестно обманули. Надя тоже ушла за бутылкой, он рассматривал своё ружьё, взял в дорогу на всякий случай не для самообороны вовсе, а для охоты. Был всегда запасливым.

Надя в куртке прибежала, вся растрёпанная и панически заверещала с порога:

– Юра, эти твои... опять приехали, батюшки, что будет! – она схватилась за лицо, и быстро просеменила к столу, села на стул, поставила громко бутылку.

– Ничего, сейчас мы их шуганём! – спокойно изрёк он, раскладывая ружьё, вогнал патроны. – А где находятся эти... С Яной, её суфлёры, то бишь сутенёры, ведь так, да? Я угадал!

– Я, думаешь, знаю, но они не сутенёры, это ты зря, да, напрасно так плохо о Янке, – твёрдо защитила Надя.

В дверь не звонили, – её нагло высадили сильным ударом ноги и влетели все трое, но и так же остановились, как вкопанные, увидя в руках Маркунина ружьё.

– Маркуня, опусти, а то не сосчитаемся после! – не без угрозы попросил Лежек. – Значит, навёл, сука, теперь домой не доедешь или давай все бабки?! – выпалил тот.

– Давай ребята по-хорошему разберёмся, у меня ничего нет, они забрали, догоните их, если такие герои, а мне и с вами не охота связываться, бежите отсюда, пока при колёсах...

– Не, правда, ребята, Юра не врёт. Они же такие, как и вы лихие – с перепугу задышливо, взволнованно поддержала Надя.

– Молчи, кошёлка, настучала, сука! – прорычал плечистый, двинувшись было к ней, но Маркунин резким окриком остановил его, наставил ствол.

– Ладно, Маркуня, от нас тебе так просто не уйти, готовь и свои заначки, всё равно отдашь! Не то... – и он голым пальцем прицелился в него.

На этот раз они ушли ни с чем. Маркунин опустил голову, вздохнул. Надя подала закуску: огурцы солённые, картошку в мундире. Распили бутылку. Маркунин навесил заново двери и легли спать...

Утром Маркунин ждал дочь, но она не приехала. Надя бегала к телефону-автомату звонить ей, но Яны дома не было. Заодно принесла бутылку самогона. На работу не пошла: позвонила, что заболела, открылось, мол, кровотечение. На улице валил густой снег, земля совсем побелела, словно покрылась пушистым слоем гусиных перьев. Маркунин затосковал не потому, что дочь не ехала, не нуждаясь в нём, а оттого, что впереди ничего не ждало его кроме обещанных угроз. Он намеревался повидать ещё двух своих женщин, но деньги почти закончились, даже на дорогу домой не было. Собственно, он рассчитывал на свой клад, на вырученные деньги от которого собирался продолжить путешествие в молодость. Но этого, разумеется, Наде не объяснил.

Когда выпивали, она выпытывала у него, как он это золото в шкатулке нашёл, но Маркунин не ответил, спросив только:

– Они попросили тебя вытянуть из меня секрет об этом кладе? Впрочем, мне всё равно, уже ничего нет. Я даже сам не знаю, каким образом эта шкатулка очутилась у меня, мне стало страшно, что обнаружат и ночью её перезахоронил. А потом постарался забыть напрочь. Ты даже не представляешь, чтобы мне было, если бы нашли, я не специально. Может, они тоже думают, что у меня несметные сокровища, напрасно.

– Ой, да успокойся, Янкины друзья? Да нет, Юра, хотя как знать, может и так, – с сомнением сказала она, насупившись, словно сама заподозрила его во лжи.

– Ты бы шла на работу, а то рассчитают, на что будешь жить?

– А ты работаешь, хотя мне удумал указывать? – рассердилась она, видя, что он уже тяготится ею...

– Нет, пока у тебя сижу, но хочу учить детей. Пора за ум браться, живу с родителями. Имею две профессии ещё и строитель без диплома, правда, толку никакого! – пьяно рубанул он.

– Ой, в школу работать, тебе ли? – она залиvisto и хрипло засмеялась, куря сигарету на пару с ним. – А жениться не собираешься случайно, а то я сгодились в невесты, – она прищурила глаза, мол, попробуй только убежать.

– Случайно – нет. В мои-то годы это почти невозможно, да и зачем? Разве сейчас кто любит кого, одна ненависть, бандитизм. Раньше такого беспредела не было.

– А ты когда-нибудь любил? Если бы не спрятал золото, сейчас бы за тобой не гонялись, чего они увязались за тобой в такую даль, наверное, сам проговорился?

– О золоте я забыл давно, но соседский, вот этот белобрысый пацан, знал про моё археологическое прошлое. И вот возомнил себя суперменом... – он не договорил, махнув рукой, туша окурков в пепельнице.

Часов в десять вечера Яна с Димой прикатили с деньгами, отдали их Маркунину. Он пересчитал взглядом, всего тысяч пять – восемь, не больше, но он не стал говорить, что дали мало. Кивнул, видя, как парень внимательно смотрел на него. Спасибо, что хоть эти отстегнули, кажется, говорил того взгляд...

– Отвезёшь на вокзал сейчас? – спросил Маркунин.

– Юра, ты бросаешь опять меня? – взгосила Надя. – Не уезжай! Яна, не отпускай его, я от тоски с горя запью, он для меня явился светом в окошке, – глосила она скрипучим надрывом, мотая головой, подкатывая глаза, словно падая в обморок.

– Надя, ну брось так... Я должен уехать, я же не насовсем сюда... проведать и назад, – виновато проговорил он, выдёргивая из пачки несколько купюр и положил на стол.

– А какое у тебя ещё дело? – спросил Дима. – Не золотое ли, говори честно, – предупредил он.

– Всё, никакого золота, я и тогда это понимал, потому и забыл про него, так легче жить... А меня работа ждёт, да... в школе...

– Димочка, те ребята его били, после вашего... угрожали ему, – с душевной жалостью сказала Надя, немного успокоенная видом, лежавших на столе сотенных купюр.

– Вот шакалы, они опять упадут на хвост: оставайся пока здесь! – посоветовал парень.

Яна выжидательно смотрела на отца, не зная как упросить его не оставлять пока мать. Ведь она видела, что с ней он всё равно не будет жить, если смолodu бросил с животом, а сейчас спившуюся – подавно.

– Не надо, пусть лучше сразу уматывает! – резко ответила она. – А ты не ной! – приказала матери. – Ничего с ним не случится, жил ведь до этого сам и проживёт! – отрезала она.

– А как я, он же как-никак твой родной отец, а ты прогоняешь, – растроганно протянула мать. – Бессердечная!

– Я его не звала и не держу, или спасибо сказать, что соизволил меня родить? – язвительно выпалила она, и резко засмеялась с каким-то ярым вызовом.

– Всё, Янка, погнажи! Если не хочет тут тормозить— подбросим до вокзала! – бодро отчеканил парень.

Маркунин быстро застегнул сумку, похожую на чемодан, подошёл к Наде, холодно обнял, став, однако, нежно целовать, на что раньше был не падок. И пошёл. Яна бросила, что придет завтра, и с этим она ушла с парнем. Вслед им раздались рыдания одинокой, несчастной женщины...

Глава 4

Поезд шёл ещё северней этой области. Маркунин лег на нижней полке почти в пустом вагоне, и надсадный стук колёс, словно возвращал из памяти мотивчик любимой песни. Но теперь он гнал его от себя прочь, ощущая в душе пустоту и своё бессмысленное положение. Холодное тёмно-синее пространство, через которое мчался в ночи поезд, казалось пустым, безмолвным, нагонявшим страшную тоску одиночества. Но он утешал себя мыслью, что его ждала встреча с очередной бывшей, брошенной им, женщиной, у которой был от него сын. Вроде ехать не хотел, но его влекла теперь какая-то неодолимая инертная сила, которой отдался во власть.

Утром следующего дня он вышел из вагона. Маркунин помнил, что там они строили для одного совхоза двухквартирные дома. Недалеко от города стояла центральная усадьба, куда поехал на такси; водитель, заломивший таксу, превышающую тариф в несколько раз, сначала отказывался, тогда Маркунин показал ему деньги и отдал их вперёд. Через час они приехали, попросил таксиста подождать. Дом Татьяны стоял недалеко от Дворца культуры. К его счастью она оказалась дома, но собиралась уходить на работу. Её квартира была хорошо меблирована, видно было по всему, что жила она неплохо, впрочем, в достатке. Но Маркунина Татьяна не тут же узнала, пока он сам не назвался.

– Боже ты мой, и чего ты приехал вдруг? – с укором спросила она. – Проходи на кухню, не разувайся, ты же ненадолго?

– Хотел, вот, увидеть тебя, сон увидел, вот и решил. У меня никого, я не женился, а ты как? – говорил благодушно Маркунин, идя за ней на кухню. Сел на табурет. Татьяна стала его рассматривать, находя только возрастные перемены, побрит на скорую руку, одет несвеже, и она брезгливо покривилась, села напротив, вздохнув, как перед неизбежным наказанием.

– Чего же не женился, всё, небось, перебирал бабами? А у меня муж, детей трое. Старший твой учится на экономиста в городе, должен вот приехать, жду... А младшие школу заканчивают, последние двойня у меня, – она говорила тем тоном, которым выражают довольство жизнью, когда всё идёт своим чередом.

Маркунин это определил с первого на неё взгляда, причём Татьяна почти не изменилась, разве что стала солидней, но такая же привлекательная, даже молодая. Он помнил, какой была она непосредственной, как она тогда безоглядно верила ему, что они всегда будут вместе, но он уехал, даже не попрощавшись, потом написал извинительное письмо, обещал заехать.

Она ответила, когда уже сын родился, вероятно, питала надежду, что теперь-то он придет, кровинка своя притянет, а он больше не написал, она не возненавидела его, просто стерпела, переборола, в себе переносила боль...

И вот по его сосредоточенному виду она поняла, только через много лет испытал стыд, потупил взор.

– Я училась в сельскохозяйственном заочно, стала агрономом, – продолжала степенно Татьяна. – Из армии парень пришёл соседский, предложил замуж, я и пошла, куда же мне было деваться с ребёнком? Теперь он директор совхоза, твоего сына воспитал. А ты как жил? – с гордостью за себя закончила она.

– Да так же, всё ездил, ездил по командировкам и не заметил, что живу уже в другой стране, а потом стал не нужен делу, которому отдал годы, оно и распалось. И вот я никто... но буду... детей в школе географии учить, – дополнил он, понимая, что в её глазах выглядит ничтожеством.

– У тебя же образование не для школы, кажется? – удивилась она, присматриваясь к нему.

– Ну и что, историю знаю, геологию, палеонтологию, – он вздохнул, пряча глаза, что приходится объяснять очевидные вещи. – Я рад за тебя. Сына увидеть позволишь, может, дашь

такую возможность? Меня не знает он? – спросил беспокойно, чувствуя, однако, что здесь он тоже лишний, не нужный, и обида объяла сердце, глаза повлажнели.

– Почему, оставайся, скажу мужу – дальний родственник, – но она тут же спохватилась. – Ой, Юра, нет, так нельзя, он же знает мою историю с тобой и поймёт. Даже не знаю как быть? В альбоме на сына посмотришь и довольны. Ну, вот скажи, зачем смущать парня, он-то приёмного отца родным считает...

Татьяна принесла альбом, и Маркунин уже по привычке стал рассматривать, испытывая себя от этого ничтожеством. И одновременно удивлялся, что Татьяна ничуть не обозлена на него, вела так просто, будто между ними ничего никогда не было. «Это оттого так, – подумал он, – что Татьяна вышла замуж удачно».

– Как его зовут, я забыл, по-моему, ты писала? – спросил робко.

– Так же, как и тебя, да, Юрик, была мечта, но ты её сам разбил, ведь любила, а ничего не осталось к тебе. Извини, Юра, мне надо идти в контору. Она встала, и он пошёл за ней, как приговорённый к вечному мыканию по свету.

Вышли из подъезда дома, она постояла, помолчала, бровь её опустилась к переносице. Маркунин махнул рукой и поплёлся к дороге, где стояло такси. Татьяна смахнула с ресниц слёзы и быстро пошла, вытесняя из памяти образ теперешнего растерянного, побитого жизнью Маркунина...

Глава 5

Он не помнил, как приехал на вокзал, как брал билет на поезд и снова слышал стук колёс, словно в полной прострации. Через двое суток поезд пришёл в Омск. В этих местах очень давно они проделали весь боевой путь Ермака по Иртышу. На автобусе добрался до Затона. Это был рыбацкий посёлок, в котором жила его бывшая подруга, черты которой почти истёрлись в памяти. Он помнил немного, что она была, кажется, безумно весёлая, быстрая на ногу, только закончила тогда школу, приходила к ним в лагерь и любила слушать мужские байки о раскопках. Она собиралась поступать в институт народного хозяйства. Но помешала беременность от Маркунина; он тогда ей честно (хотя до этого обещал) ответил, что не будет жениться вообще, связав себя навеки с археологией. Ещё в поезде он вспоминал её имя, каждое примерял ей, но ни одно не подходило, словно с чужого плеча одежка. Впрочем, в памяти осталось звучание редкого имени, которое застряло в подсознании и не всплывало, он долго ломал голову, досадовал на свою забывчивость. Все это последствия безалаберной, походной жизни, безоглядное стремление к обладанию всё новыми женщинами, которые ему также скоро надоедали и он старался их как можно быстрее забыть, тогда как они надеялись, ждали от него ответной любви. И тут в сознании, словно искрой полыхнуло: «Ждана!» Да, кажется, так и звали сибирячку, жившую с родителями...

Маркунин ходил по посёлку городского типа, почти не изменившемуся, где стояли старые двухэтажные дома – близнецы да поновей четырёхэтажные, детсады, большая трёхэтажная школа, магазины, занимавшие первые этажи жилых домов, Дом культуры, а по окраине уже давно строились пятиэтажные и девятиэтажные и работы не велись. По берегу затона шли частные деревянные и кирпичные дома. На улицах аллеи, летом здесь много зелени, а сейчас лежал снег, мороз пощипывал щёки. Маркунин не мог вспомнить, в каком доме жила девушка, словно сознание нарочно противилось его воле. Собственно, он уже и сам понимал, что и эта встреча с молодостью ничего путного ему не сулила. Хотя он и не надеялся на то, что Ждана до сих пор одна, а его давно погребла в своей памяти, живя счастливым настоящим. Он даже не знал её фамилии, чтобы начать поиск, и тут к нему пришла мысль – зайти в магазин, ведь наверняка продавцам известна женщина с редким именем. Он так и сделал, но, зайдя, не мог осмелиться начать: как верно тут его поймут? Маркунин уловил себя на том, что раньше так не рефлексивал. Продавщицы были немолодые, он всё же набрался смелости спросить Ждану, и одна чересчур полная баба изрекла:

– Ждана? Конечно, знаю, возле почты дом её, а вы кто ей будете? Она у нас большая шишка! – отрезала та, меряя его взором.

– Дальний родственник, – буркнул Маркунин, извинился, поблагодарил и пошагал восвояси, чувствуя как вслед ему целились взглядами продавщицы, начав обсуждать его явление...

Маркунин быстро нашёл почту, теперь он вспомнил, как получал здесь из дому денежный перевод. А вот и дом, в котором жила Ждана, построенный был позже других. Он вошёл в первый подъезд и поднялся на третий этаж. Он позвонил, вскоре дверь открыла симпатичная молодая женщина, а из-за неё выглядывал мальчуган лет трёх, должно быть, её ребёнок.

– Здравствуйте, здесь живёт Ждана?.. – спросил он несмело.

– Ну да, а кто вы? – удивлённо спросила она.

– Друг её... А вы дочь Жданы?

– Ну да... Входите, но матери нет...

Маркунин вошёл в тёплую, уютную квартиру. Женщина провела его на кухню.

– А мать где? – срывающимся от волнения голосом, поперхнувшись, спросил он.

– На работе... А она знает, что вы должны были приехать? Что-то я никак не припомню, чтобы у неё был друг? У мамы есть муж капитан речного флота... – поясняла молодая хозяйка, одетая по-домашнему.

Маркунин как раз и боялся, что у Жданы есть кто-то, он попросил разрешения закурить, теребя шапку в руках, неуверенно положил её тут же на подоконник, чтобы она не увидела, как он волнуется. Когда женщина не предложила раздеться, он сразу понял, что девушка неохотно принимает гостя, а иного отношения ждать было глупо в его положении непонятого гостя.

– А кем мама работает?

– Вы давно с ней не виделись? Мне кажется, я видела у неё ваше фото, там вы совсем юный. Она говорила, что немного училась вместе... кажется.

– Да, – неловко согласился он.

У него возникло желание уйти сейчас же, ничего не объясняя, поскольку в душе прорвалось запоздалое сожаление, как никогда он показался себе отвратительным, мерзким типом, безжалостно обманывавшим неопытность юных девушек. Они сами порой делали из него значимую личность, отчего Маркунин чувствовал себя поднятым на небеса славы. Перед ним тогда раскрывались действительно громадные возможности сотворить карьеру, но он не то чтобы не сумел, просто хотел ещё поездить, что, дескать, ещё успеет, и таким образом, упустил фортуна, не распорядился ею вовремя, умело...

Маркунин быстро прикурил сигарету, он мельком глянул на девушку. Она была очень похожа на свою мать: пухлые губы, симпатичное овальное лицо, глаза, как и у него серые и такие же грустные, на щеках ямочки, скулы чуть выдавались. Фигура ладная, полноватая, русые волосы на затылке убраны небрежными пучками. Её сынишка несколько раз прибежал посмотреть на него. Он теперь ясно вспомнил лицо Жданы, будто сейчас она и сидела перед ним.

– Хотите, я вам правду расскажу? – вдруг предложил он для себя неожиданно не без дрожи в голосе, словно хватаясь за соломинку, чтобы быть верно понятым.

– Да это ваше право, – пожала она плечами, губы слегка тронула осторожная, деликатная улыбка. Девушка как бы приготовилась выслушать, участливо глядя в глаза мужчины...

И Маркунин, подумав немного, начал рассказывать о себе почти всё, без утайки о том, как мотало его по свету в романтическом бреде, как встречал женщин и как безжалостно их бросал, только про детей удержался. И назвался полностью. Онета, так звали его дочь, поняла, что перед ней сидел отец ещё до того, как он стал рассказывать. Отчим пришёл к ним, когда ей было лет десять, он не удочерил её, и она носила фамилию матери, а отчество отца...

Онета предложила Маркунину чаю, он не отказался, выжидающе смотрел на неё.

– Чего же вы молчите, как зовут вас? – нервно спросил он, понимая, что поставил её в нелегкое положение, открыв своё инкогнито, в котором, может, и надо было оставаться?

– Оня, меня зовут. Что мне вам сказать, кричать на вас не буду. Мама говорила, что вас нет, я верила... А у меня тоже мужа нет – разбился на машине, только купил... Крутым был, а мама заместитель главы посёлка. Мне вас жалко, она не та уже хохотушка, какой вы её знали. И вообще, лучше вам уехать, сегодня может прийти из рейса мой отчим, а он ревнивый. К главе ревнует и хочет, чтобы бросила свою работу, а мама отвечает: мол, я не самоубийца, чтобы отречься от должности... – она налила ему в чашку чаю, пододвинула.

– Да, конечно, я скоро уйду, – на глаза навернулись слёзы, и он очень стеснялся смотреть на дочь. – Оня, я не заслуживаю прощения ни от тебя, ни от матери, извини, что перешёл на «ты», а всё-таки ты признала меня?

– Сразу так неожиданно, если бы раньше, ведь привыкла к мысли, что нет отца... Но я могу со временем только, – она боялась заглянуть в его настырные глаза, полные, однако, внутренней скорби с теплившейся в них надеждой, что тут его приласкают, загнанного жизнью,

тогда как о матери в своё время и не подумал, на что её обрекает беременную, или правда не знал?

– Спасибо, спасибо! – пробормотал он быстро, словно опасался, что она возьмёт слова свои назад, хотя видел, как дочери непросто далось это обещание. – Я уйду скоро, давай я дам тебе адрес свой, когда-нибудь, да хоть летом приедешь ко мне с сыном, замуж выйдешь, у нас много винограда, яблок, всего много...

Маркунин достал записную книжицу, вписал свой адрес, вырвал листок, подал Онете. Девушка взяла его, не читая, и сунула в карман халата. И он, видя как она сделала это равнодушно, отрешённо, подумал с горечью, что она приняла адрес исключительно вежливости ради, что она никогда не напишет. Он опять почувствовал себя ничтожеством, обрешив своих детей на безотцовство, чего в своё время не понимал, не догадывался.

– У вас тут есть гостиница, когда-то был дом для приезжих? Переночую, может, побуду и с матерью повидаюсь, – произнёс Маркунин. – Не знаю, может и есть, – пожала безучастно она плечами. – Выпейте чаю, а то остынет...

– Спасибо, Оня, а ты красивая, как мать. – Он стал пить короткими глотками, похвалив вкусный напиток. – Имя твоё интересное и редкое, как у матери...

Но она промолчала, ей опять стало его жалко, как сироту. И не хотелось никуда отпускать. Оне казалось, что наконец-то нашла отца после долгого поиска. Хотя мать никогда не говорила, как бессовестно он бросил её, она этого ничего не знала, поэтому не испытывала к отцу ни обиды, ни ненависти. А то, что услышала от него, она восприняла как совершенно не относившееся к ней лично. Онета не могла его осуждать, слишком это было его личное, давняя история матери и отца, в которой они сами запутались. Впрочем, он уже достаточно сам осудил себя, вполне уже осознал свой гадкий, предательский поступок. Пусть бог его и судит. Онета то поднимала, то опускала глаза: время, казалось, тянулось черепашьям шагом; она томилась, не чая пока он уйдёт, чтобы покормить сына, стеснявшегося чужих людей, а потом она найдёт его в гостинице, и они поговорят ещё.

– Может, вам не надо с мамой встречаться, я к вам приду, если устроитесь вечером, – предложила Онета.

– Да как же... Я тогда перестану себя уважать. Не хочу казаться трусом. И потом, матери могут в магазине сказать, что искал её мужчина. Я там спросил, где она живёт. Ну, я пошёл и буду тебя ждать, Оня! – он слабо, робко улыбнулся.

Маркунин нашёл гостиницу на главной улице посёлка, где находилась администрация Затона. Он устроился без труда, цены были умеренные, дня на два задержится, походит по своим местам. Здесь был судоремонтный завод, причал. Но на реке судоходство уже, похоже, закончилось. Почему Оня говорила, что отчим придёт из рейса, вспомнил он погоды, если навигации нет? Но он не стал ломать над этим алогизмом голову. Маркунин, оставив вещи в гостиничном номере, зашёл в кафе при гостинице, выпил водки, закусил бутербродами. Есть больше не хотелось: после встречи с дочерью он испытывал нервное возбуждение. Оня ему понравилась не то, что Яна. Оня его, наверное, поняла как ему плохо одному и обещала проведать его.

До вечера он бродил по посёлку, два раза прошёл мимо администрации, перед которой стояли автомобили разных марок. Он подошёл к водителю «Волги»:

– Скажите, Ждана... Извините, отчество забыл, у себя, не видели?

– Ждана Сергеевна недавно была, может, уехала уже, ее машины нет, – лениво, позевывая, ответил тот, почитывая беспечно газету.

Маркунин поблагодарил, однако зайти в здание администрации постеснялся, чтобы самому удостовериться в правдивости слов водителя какого-то чиновника. Он не знал, куда теперь идти, а день уже клонился к вечеру, небо было заволочено свинцовыми облаками, отлившими синевой, что и указывало как бы на приближающийся снегопад. Маркунин продрог

в своей не зимней, хотя и меховой куртке. И быстро пошагал к гостинице, где зашёл в четырёхместный номер и лёг на кровать, не раздеваясь. Он подумал, что хорошо бы обосноваться в посёлке, устроиться на работу, ведь все документы были при нём. Ждана вполне могла бы ему в этом посодействовать. Любую работу готов принять, только бы жить рядом с дочерью, внуком. Хотя он чувствовал, что у него нет такого морального права называть их так, что он обычный самозванец. Под эти мысли он и задремал...

Глава 6

Онета пришла к Маркунину около восьми часов вечера. Его разбудил сосед по номеру, сказав, что приходила администраторша, и он, не дослушав, побежал в вестибюль. Она сидела в кресле и листала какой-то журнал, на ней была жёлтая дублёнка.

– Я очень рад, что ты пришла, обращайся ко мне на «ты»! – дочь встала, засмутившись, не чувствуя к мужчине родства.

– Мама пришла... и я ей сказала. Для неё эта новость оказалась неприятной. Я так поняла – ты давно её бросил? – робко спросила дочь, удостоверившись в этом после разговора с матерью.

– Я должен был уехать, хотя ничего ей не обещал серьёзно, то есть ни то что бы совсем... Ведь она знала, что я проходил практику. Да и она собиралась учиться, просто время коротали... И вдобавок был совсем молод. Так и не женился, о чём ты уже знаешь... Мои товарищи после уехали сюда и написали, что у Жданы дочь... – он не смотрел на Оню, точно ждал её приговора.

– Знаешь, я считаю, что тебе здесь нет места, лучше домой уезжай. Я не хочу к тебе совсем привыкать, будем жить, как жили до этого. Ты ей всё испортишь, она карьеру делает, у неё муж, кстати, приехал буквально через полчаса после твоего ухода. Он не курит, и почуял запах сигареты, а тут мой сорванец подлетел, мол, дядька был. Я была вынуждена сказать, что приходил ко мне старый друг... Всё равно не поверил... Но бог с ним...

– Ну и что, какое ему дело? Я уже думал остаться, пойти работать в школу историком или географом. Рядом с тобой хочу или поедом ко мне?

– Не могу – это получится некрасиво, маму не предаю ради биологического отца. Ведь ты чужой мне, но я не упрекаю, ты сам знаешь, что это правда. – Маркунин молча согласился. А потом неожиданно заговорил, словно нашёл нужные слова.

– Но сейчас чужой, а пройдёт время... всё изменится, привыкает человек... А ты дай мне шанс? – жалобно попросил он.

– И как ты себе представляешь наше общение, как ты будешь к нам приходиться, к чему это приведёт? Или ты рассчитываешь, что мама тебе обрадуется, я не уверена. Нет, у них детей нет, а у него есть от первой жены...

Онета предугадала его вопросительный взгляд, чем немного утешила. Создалось безвыходное положение, которое сотворил он же много лет своими руками, от сознания чего Маркунин поник, а потом отчаянно сказал:

– Оня, пойдём в кафе, я хочу угостить и выпить с тобой за то, что ты такая добрая и светлая, мне очень хорошо, я счастлив видеть тебя!

– Нет-нет, спасибо, не хватало того, чтобы ты здесь запил. Ты уже выпил и довольно, – она чувствовала исходящий от него запах спиртного.

– Что же прикажешь мне делать? Я так несчастлив в одиночестве. Мне кажется, что твою мать я любил всегда и это понял только сейчас... Когда отчим уйдёт... в рейс?

– Да всё уже, навигация закончилась, – печально протянула дочь. Видно и впрямь она сожалела, что отчим надолго теперь не оторвётся от дома, и ей самой жить с ним несладко рядом.

– Боже, всё против меня! – с горечью выпалил он, мотая яростно головой, сжимая челюсти.

– Успокойся, давай я провожу тебя завтра, а потом письмо напишу?.. – подала она отцу надежду, зацепку в будущее.

– Какая ты красивая, Оня! – чуть не плача прошептал он. – Спасибо тебе, я ещё побуду... Пстой, я забыл, сыну твоему купил, сейчас принесу, – он быстро поднялся в номер, и через

пять минут вернулся с коробкой. За это время он подумал: если останется тут, то будет мучиться сознанием, что остальные дети им брошены, а Оне отдал особое предпочтение. Хотя навещенные им дети так и не узнают о его приезде, этим только и успокаивался. Раньше о них имел отвлечённое представление, а теперь конкретно знал, что они существуют. И действительно, лучше ото всех жить в стороне, чем так бесцельно маяться. Впрочем, они в нём не нуждаются, как когда-то и он ими пренебрёг. Вот и получалось, как аукнулось, так и откликнулось. Яне досталось его золото, сыновей вообще не видел воочию, а фотки не в счёт. Им всё равно, что где-то он есть. Сам обрёл себя на никакое с их стороны отношение, кусай локоток отныне, совестью мучайся...

Маркунин пошёл проводить домой Оню. И всю дорогу почти молчал, словно таил на неё неизбывную обиду. Перед подъездом он поцеловал дочь и велел идти. Шёл снег крупными, бархатными хлопьями.

– Не надо меня провожать завтра. Я сам, Оня, будь счастлива, – тихо, покорный судьбе, сказал он, полный таинственной задумчивости, к какой раньше он вообще был не склонен. – Возьми, – он положил ей на ладонь крупную купюру, ещё раз поцеловал, и быстро пошагал, удаляясь от неё, в гостиницу по освещённой фонарями заснеженной улице, и сам обсыпанный, будто снежным лебяжьим пухом...

Рано утром Маркунин покинул Затон. К обеду уже в Омске сел на поезд. На этот раз в стуче колёс ему слышалась одна и та же фраза: «Так-так тебе и надо, так-так тебе и надо». На вокзале он раздобыл бутылку водки и пил потихоньку, курил одну сигарету за другой. Он не ощущал текших по щекам слёз, казалось, везде текла вода: по стеклу, по стенам купе, по полу, куда бы ни глянул – везде вода, вода...

Маркунин достал из сумки зачехлённое ружьё, быстро собрал, как если бы предстояло отражать напавшего врага, и наставил ствол прямо в сердце. Но тут он представил, как мать узнает о его смерти и её хватит удар, отчего ему сделалось дурно. Рассудочность всегда брала верх над эмоциями. В купе никого из пассажиров не было. Маркунин опустил окно и сразу отчаянно ворвался в купе сухой морозный ветер, он высунул ствол и нажал на курок раз за разом. Выстрелы почти были не слышны, слившиеся с надсадным навязчивым стуком стальных колёс: «Так-так тебе и надо, так-так тебе и надо». Он поднял стекло и спрятал ружьё, вспомнив, что дома ещё ждали его молодые шакалы...

За длинную дорогу домой у Маркунина возникало непреодолимое чувство, будто он оставил частичку себя у всех этих женщин, от которых были его дети. Причём вовсе не одну частицу, а сколько было их, и к ним из его души тянулись невидимые нити, связавшие его навеки. Это было мучительное ощущение и тем мучительней, что все его отвергли, за исключением одной опустившейся до алкоголизма женщины, у которой в силу этого было бессмысленно оставаться. Но даже если можно, он бы убивался по другим, хотя все эти годы, пока не видел детей воочию, он вполне оставался спокойным, продолжая сходитьсь с женщинами на короткий миг без угрызений совести. И пока это продолжалось, ни о чём не задумывался, а стоило растерять былую силу, как почувствовал ускользающую в пустоту жизнь, так и заскучал о прошлом. И срок подошёл как бы подвести итог всему тому, что натворил в молодости. Итог этот, в конечном счёте, ошеломил его. Собственно, тогда он оправдывал себя тем, что он вовсе не уговаривал их рожать, что они просто сами хотели иметь детей всё равно от какого мужчины. Хотя на самом деле всё оказалось намного сложнее, что ему и открылось после встреч с ними. Кто-то действительно его сильно любил, и надеялись на взаимность с его стороны, а он со всеми обошёлся подло. И романтика тут вовсе ни при чём, отныне ему казалось, что ею он только прикрывал свои проступки, свои ошибки, свою бесшабашность и сущность гуляки, желавшего жить так, как ему тогда хотелось, то есть легко, безопасно, ни о ком конкретно, кроме дела, не заботясь. Просто тогда всевластно он был увлечён работой, любил природу, посиделки у костра с гитарой, девушек и снова работа без своего дома и семьи. И всё

это улетучилось, как дым, а дети остались и выросли без него. Он подумал о Марине, к которой хотел бы съездить, но адреса не знал; впрочем, она где-то записывала для него на всякий случай, что он сейчас ясно вспомнил, как сунула на прощанье записку. Но теперь разве можно вспомнить: куда он дел её? Или ему просто казалось, что она записывала.

Маркунин сидел в вагоне-ресторане, пил пиво; к нему подсаживались какие-то сомнительные типы, пытались разговорить его, надеясь, что он едет с заработков с большими деньгами. Однако Маркунин нарочно не вступал в навязываемое ему общение, одолеваемый к тому же своими мыслями. Впрочем, за дни своих скитаний ему встречалось много людей, желавших от него что-то поиметь; но он ясно давал всем понять, что они принимают его не за того. Верили они или не верили, однако вскоре отставали; наверное, его донельзя хмурый, нелюдимый взгляд их охлаждал, о чём он особенно не задумывался...

Глава 7

На вокзале своего города N. Маркунин почувствовал беспокойство, причину которого он не мог пока объяснить себе. Здесь по-прежнему снега не было, даже стояла слякоть, говорившая о прошедших недавно дождях. Ему казалось, что и душа его в слякоти. А за ним тянется невидимый шлейф прошлой жизни, от которой ему отныне никогда не избавиться, чего, собственно, ещё никому не удавалось, просто надо жить и прочно забыть обо всём...

Маркунин сел в такси и поехал домой в посёлок Раздольный, где его ждало пренеприятное известие. Но этого он ещё не знал. Машина быстро миновала дамбу. Плавно поднялась по гладкому асфальту. В это время небо прояснилось и в голубую прогалину ярко ударило солнце. У Маркунина на душе тотчас повеселело, хотя камень с души не снялся; он ещё сильнее кажется давил его своей неподъёмной тяжестью...

Квартира была закрытой, он осторожно вошёл. В раковине на кухне лежала всего одна тарелка. Маркунин смекнул, что завтракал кто-то один: мать или отец? В зале и комнате родителей не нашёл жилого духа. Маркунин пошёл из квартиры к соседям: позвонил в дверь. Вышла жена Михаила довольно красивая, упитанная, но неопрятная в быту баба, родившая трёх дочек и сына. Этого самого Лежека. Дочери были старшие, уже замужем, жившие отдельно. Наталья, увидев его, почему-то вздрогнула, как-то суетливо запахнув на груди халат.

– Ты не видела моих? – неловко спросил он.

– А ты только приехал, не знаешь, на твоего отца кто-то напал три дня назад, когда ехал на тракторе. Он не увидел, кто бы это мог быть... Сейчас отец в больнице и мать с ним... – пояснила Наталья так, будто и мать пострадала.

– А с ней что? – стараясь как можно спокойней отвечать.

– Да с матерью всё хорошо – не волнуйся...

Маркунин закивал головой в знак благодарности и, не видящими глазами, пошёл к себе. Вот, значит, к чему долило в пути беспокойство.

Ход его мыслей нетрудно было представить после того, как в другую область за ним вслед прикатил Лежек со своими дружками. И то, что произошло с отцом, это, скорее всего, дело его рук. Но Маркунин никогда бы не подумал, что Лежек не бросает слова на ветер, что он способен на любую низость, на любое преступление. В словах матери его: «он не видел кто», таилось какое-то оправдание или намёк на то, что их сын был ни при чём. Маркунин ходил по залу так быстро, словно метался, как зверь в клетке. Он пребывал в душевном смятении и пока не знал, что ему срочно предпринять, куда, не медля идти, что делать. Впрочем, он настолько был взвинчен переполюнявившим его через край гневом, что готов пуститься на поиски Лежека. У Натальи бесполезно было спрашивать: «Ну, найдёшь ты его, говорил он себе, а что дальше? Конечно, Лежек будет всё отрицать и ещё станет хамить». Маркунин достал из кладовки бутылку марочного вина и на кухне стал пить, не хмелея. Потом пошёл копаться в своих книгах, конспектах, перечитывал дневник пребывания в экспедиции. Это были протокольные, сухие записи. И одна привлекла внимание: «Сегодня утром одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года уехала Марина. Написать ей письмо: адрес её в книге». Маркунин перелистал все учебники и книги. На оборотной стороне титульного листа ею рукой написан адрес. Оказывается, к ней ехать недалеко, – всего лишь час езды на автобусе или электричке.

Вечером приехала мать, она с радостными слезами кинулась обнимать сына:

– А я думала ты уже не приедешь или что-то случилось с тобой. Отец наш в больнице, его избili какие-то подонки, остановили посреди дороги, перегородили путь машиной ночью, напали...

– И что, милиция, не ищет? – спросил сын.

– Ой, не знаю, но он в плохом состоянии. Ничего не помнит. Раз пришёл в себя, я так и не добилаь от него, что случилось...

– Ничего, скоро я узнаю и, пожалуй, уже догадываюсь, кто это сделал, – твёрдо проговорил Маркунин-младший.

– На него обижались некоторые наши мужики, когда трактор выкуплял, но один уже помер от пьянства, а второй опился тоже. А Мишка-сосед тоже дулся... Хотел фермером стать, да чего-то не пошёл, но завидовал отцу. Куркулём погонял, а ты с ним дружил ещё. Их пацан – оторви да брось, не знаю чем он занимается, вроде учится где-то, а на машине мотается. Наташка как-то говорила, что все деньги из дома тащит на запчасти и не рада, что ему купили. Мишке за руль ни разу не дал сесть. А дружки у него во – какие мордovorоты, ты же видел, им ничего не стоит любого побить да ограбить, но как докажешь, что это они?..

Маркунин спокойно выслушал и не сказал матери о Лежеке правду. Она стала спрашивать о его поездке; сын ответил, что съездил хорошо, что скоро думает пойти работать...

– И что, ни одна опять не понравилась? Дети-то, говорил, у них?

– Мать, два раза в одну и ту же реку не входят, есть такая примета, вот и я не собираюсь... Но ничего, ещё один вариант намечается, – успокоительно заверил сын.

Маркунин не стал откладывать поездку к Марине. Денег у него осталось мало, он опять попросил у матери, а утром, собравшись в дорогу, зашёл нарочно к Михаилу. Лежек был ещё дома и затравленно, настороженно взирал на Маркунина, который как бы не замечал его, сказал:

– Сотню не одолжишь, Миша, отдам вечером, надо съездить в хутор Красный по старому делу. Может, там работу предложат, – он миролюбиво, располагаяще улыбнулся.

– Да у нас, откуда деньги, Юра, мы не предприниматели? – ответила несколько удивлённо Наталья. Михаил сдержанно молчал.

– Ясно, как-нибудь обойдусь. А вы думаете, я какой-то делец? Просто надо, ладно, пока, – Маркунин ещё раз глянул на Лежеку многозначительно и ушёл, ему хотелось уловить его реакцию, клюнул ли на приманку? Взгляд Лежека был острый, он неловко опустил голову, будто весь ушёл в себя. И Маркунину стало понятно, что Лежеку не даёт покоя мысль о кладе, которого у него, Маркунина, нет. А Лежеку кажется, что есть, ведь один раз не обмануло чутье пацана, как у шакала...

Так думал Маркунин, садясь в старенькие «Жигули» отца, которые водил ещё в молодости, раскатывая с девицами. Конечно, никогда без разрешения отца машину не брал, даже сейчас... Утром Маркунин поехал к отцу в больницу. У него вся голова была забинтована, лицо изуродовано так, что глаза были еле видны из-за бинтов. Он попросил рассказать о случившемся после его отъезда. Маркунин-старший только выдавил имя соседского пацана. Маркунин-младший хотел объяснить отцу, узнавал ли у него Лежек, куда уехал, он, Юрий, и отец кивнул; в его глазах блеснули слёзы, и он быстро-быстро заморгал, закрыв ресницы. И тогда Маркунин попросил у отца машину, что возьмёт для важного дела...

В хутор Красный он поехал по главной магистрали, ведущей в областной центр. А можно было и просёлком, так даже ближе. Но ему важнее ехать по оживлённой трассе, поскольку Лежек вряд ли знал просёлок. Дорога была мокрая. Маркунин не очень уверенно вёл машину, что вызывало в нём некоторое беспокойство. На «форде» могли его быстро догнать, которого, однако, он пока ещё не засёк позади своей машины. Когда он не спеша ехал через дачный посёлок, до того как свернуть на главную трассу, Маркунин надеялся, что Лежек сразу увяжется за ним и тогда бы он свернул с шоссе в любой проулок, чтобы вызвать пацана на открытый поединок и рассчитаться за отца. Теперь на трассе это было невозможно сделать, впрочем, Лежек, наверное, разгадал его план, решив не рисковать. Хотя у него совсем другая цель, чем просто преследовать его и отплатить за прошлое поражение и потерю крупного навару...

Прошло уже полчаса, как он мчался в хутор, совершенно забыв про Марину, и думая только о щенячьей своре Лежека, который ведь ещё в армии не служил. Маркунин тут же подумал, что его сыну от Татьяны лет семнадцать, его тёзка, значит, правда любила она. Андрюше от Веры лет восемнадцать, Яне от Нади, кажется, шестнадцать, хотя выглядела на все двадцать, так кричаще была одета. Онете от Жданы, наверное, за двадцать уже, она старше всех. У Марины сын такой же по возрасту, как и Яна, поскольку с их матерями судьба свела его почти в одно и то же время. С Надей познакомился, когда ездил в город за продуктами. Она тогда была соблазнительно-пикантной, это теперь спилась. Зато Марина вообще в рот не брала спиртного, он даже за это злился на неё, что скуку наводила своей трезвостью...

Маркунин так задумался, что чуть не проехал указатель, куда следовало свернуть, чтобы попасть в хутор, утопавший летом в густой тополиной и садовой зелени, а сейчас над ним высились голые громады тополей, занавешенные сплошной небесной серостью. Вот, правда, в щелку ударил яркий луч, следом пропавшего солнца, как подали знак счастья. И он судорожно вздохнул...

После окончания кулинарного училища Марина работала поваром в экспедиции. С помощью хуторян Маркунин быстро нашёл её дом, но подъезжать не торопился, глядя на добротное подворье издали, не выходя из машины, чувствуя прилив тоски, а в голове толпились разноречивые мысли. И не за одну не мог ухватиться. Из металлических, выкрашенных в зелёный цвет ворот, никто не появлялся, на улице движения почти не было. Возле соседнего двора стояла большая многотонная фура. Маркунин так и не решился войти в дом и потихоньку поехал назад в неопишемом смятении. Он не хотел подвергать риску эту женщину. Ему казалось, что Лежек где-то затаился рядом.

Однако он не стал выезжать на трассу и поехал по грунтовой дороге. За хутором потянулись перелески и поля; по одному смутно зеленевшему сквозь бурьян озимой, цепью, как верблюжьи горбы, перекатывались курганы, которые давно были разграблены: конкретно – в прошлом веке. Маркунин нарочно остановился вблизи этих курганов, взяв складную лопатку и свой саквояж с ружьём; он пошагал к ближайшему, самому высокому холмистому кургану. Он взошёл на него, поглядел по сторонам, приложив ладонь к глазам козырьком, как древний витязь, спустился вниз; собрал быстро ружьё, положил в бурьян сухостойный, став неторопливо копать. Маркунин провозился так с четверть часа, когда услышал вдали стук дверцы машины. Он взял ружьё и отошёл несколько от места, где копал, присев за кустом шиповника. Это поле несколько лет не засевалось, и по нему уже рос густой сорняк, среди которого, однако, кое-где зеленела озимка, и не везде рос бурьян. Он слушал осторожный хруст сухого бурьяна то там, то тут— вразной шагали несколько человек.

Лежек показался из-за кургана первый, за ним его дружки в кожаных куртках, державшие руки в карманах. В сером небе с карканьем пролетали вороны. Бандиты остановились возле вырытой им ямки, в которой торчала его лопата.

– Пошёл искать другую заначку, шкура? – процедил плечистый парень.

– Я здесь, Лежек! – крикнул вдруг он. – Что, никак не уймётесь, золота много хотите? Тогда ройте и может, на счастье найдёте? – он наставил на них двустволку многозарядную. – За что отца покалечили, он мешал вам?

– Маркуня, для себя могилку выкопал? Иди, продолжай. А то неглубокая... – бросил Лежек. – Твой батя экспроприатор и должен платить налоги, отказался. А ты скрываешь клад, тебе светит за это вышка, потому что ограбил древнее захоронение, а прах – это священное понятие, а ещё учёный, муило! Верни все, не то башку свернём враз.

– Попробуй, сопля размазанная по губам, приблизиться, мозги вышибу точно! Батя твой не соскребёт всё. А за моего — тебе точно светит большой срок. Нашёлся искатель справедливости, между прочим, по-соседски так подлю не поступают. Твой отец к тому же мой друг, не помнишь?..

– Да он же такой, как ты тюфяк. Скажи, нагрели руки на золоте те ублюдки, которых ты нанял тогда? Умно провернул... Нам не отдал, а им золото досталось, это не по-соседски, сосед? Ты висишь на волоске – надо делиться, а то сам загремишь в тюрьгу, воруго! А тут что копал? Вали к нам...

– Чтобы ты посмотрел, чтобы... – в этот момент раздался выстрел и Маркунин лишь почувствовал толчок и жжение в левом плече: целился наверняка, но кто из троих – не заметил. Падая, выстрелил по тёмным фигурам, поскольку в глазах зарябило, послал второй выстрел наугад...

Когда пришёл в себя, никого уже не было. Маркунин поднялся с сырой, стылой земли. Он определил интуитивно, что пуля прошила плечо навывлет. Доплёлся до машины с ружьём и лопатой и еле завёл машину – поехал тихо. Возле двора Марины остановился. Вышел, постучал в железные ворота, из-за которых послышался громоподобный лай собаки. Показался парень. Маркунин спросил Крылину Марину. Парень ушёл, и через минуту вышла она. Он сразу узнал её, но женщина недоуменно смотрела на него, искривлённого ранением, преодолевшего острую саднящую боль.

Марина почти не изменилась, такая же, как и тогда слегка полноватая фигура, утончённые, но некрасивые черты лица, в котором ощущалось неуловимое обаяние, и на мужчину, теряясь в догадках, пристально смотрели выразительные голубые глаза. Она напрягла внимание, вот взор несколько расширился; женщина коротко кивнула, видно, что-то пришло ей на память, сомкнула губы.

– Не узнаёшь Маркунина? – спросил он через силу. – Я ранен, Марина... На охоте попал под чужую пулю. Тебя разыскал с трудом, давно собирался, но на меня свалилась череда неудач... Отец в больнице, твой адрес нашёл только вчера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.